

СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ «ВОЕННОЙ ПРОЗЫ» В XXI ВЕКЕ

«Военная тема» являлась магистральной в русской (и в целом советской) литературе на протяжении второй половины XX века. Так, Н. Лейдерман и М. Липовецкий выделяют ее основные дефиниции в художественной прозе и публицистике: 1) обновление соцреалистической концепции личности (М. Шолохов); 2) развитие «поискового» жанра в публицистике и художественно-документальном расследовании (С. Смирнов, Д. Гранин, А. Адамович, С. Алексиевич); 3) фронтовая («лейтенантская») проза (Ю. Бондарев, Г. Бакланов, К. Воробьев); 4) трансформация соцреалистических жанров в романе-эпопее (К. Симонов, В. Гроссман); 5) гротескное изображение войны в традициях карнавального юмора и «волшебной» сказки (В. Войнович); 6) интеллектуальная тенденция, нашедшая отражение в притчевости повествования (В. Быков); 7) переосмысление «новой правды» (или «нового мифа») о войне в постперестроечное время (Г. Владимов) [1]. Показательно, что XX век символически заканчивается публикацией последнего большого романа-эпопеи о Великой Отечественной войне «Прокляты и убиты» (1995 г.) и повести «Веселый солдат» (1998 г.), своего рода человеческого завещания В. Астафьева.

А уже в 2002 году выходит роман А. Азольского «Диверсант», который относится к жанру «психологического детектива» или, по словам А. Коваленко, «триллера нового времени» [2, с. 66]. Одновременно исследователь называет в плане психологической достоверности А. Азольского «единомышленником» В. Быкова и В. Богомолова: «Автор словно уподобляется крохотному подслушивающему устройству, «жучку», ловко пристроенному в одном из уголков сознания героя и тщательно регистрирующему каждое движение мысли, вспышку, озарения, внезапное решение» [2, с. 68]. Весь роман построен на идейных и жанрово-стилевых противоречиях: автор одновременно следует детективному жанру и нарушает его канон, выбирает принципиально «антигероическое» изображение войны, образ негативного героя, стремится выдержать остроту сюжета, отрицание морализаторства, но признание необходимости морали.

Как известно, прозаику необходимо «время для самоопределения – проза требует анализа, который осуществляется с какой-никакой дистанции от события» [1, с. 162]. С другой стороны, такая тема, как «военная», требует особой внутренней сопричастности, опыта сопереживания. Поэтому в 2000-е на первый план выходит тема «чеченской войны» и возвращения с нее (А. Геласимов «Жажда», З. Прилепин «Паталогии», В. Маканин «Асан»). Отметим, что здесь есть и натуралистичность описаний, и новая мифология.

Опыт романа А. Азольского показал, насколько социокультурная эклектика, влияет на форму и содержание литературного текста. Тема Великой Отечественной войны начинает широко эксплуатироваться в жанрах «массовой» литературы (альтернативной фантастике и даже японских комиксах «манга»). Тем примечательнее стал 2008 год. В это время выходят два романа, которые представляют собой принципиально новый взгляд на нашу тему: «Танкист. Белый тигр» И. Бояшова и «Степные боги» А. Геласимова.

В романе И. Бояшова обгоревший на Курской дуге танкист, который не помнит своего имени, выживает вопреки всему, чтобы вступить в бой с танком-

монстром, «Белым тигром». Автор настолько по-новому изображает тему войны, что в романе трансформируются конфликт, система образов, жанр и стиль.

Насколько Иван Найденов (Ванька Смерть) – «живой труп», настолько «Белый тигр» является одушевленным, мыслящим и совершенным воплощением войны. Перед нами два образа-символа, которые восходят к ментальным архетипам. Критик Л. Данилкин полагает: «Это сказка: Ванька Смерть – архетипический русский; воплощенное безумие, страдание, кротость и жестокость. «Белый тигр» – аристократический, белый, методичный, беспощадный, сумрачный – воплощение духа германского» [3, с. 62]. И далее продолжает в своей рецензии: «Книжка-про-войну, да, но не привычная советская «военная проза». Бояшов транслирует хруст раздавленных траками костей не для того, чтобы психологически достоверно раскрыть характеры перед лицом смерти и не чтоб «окопную» правду продемонстрировать. Хруст нужен Бояшову, чтобы преодолеть реализм – и пробиться к метафизическому конфликту, к мистике войны» [3, с. 63]. На наш взгляд, мистика войны в том, что и совершенный солдат, словно привязанный к рычагам своего танка, и совершенная машина нуждаются друг в друге. Война переосмысливается как мотив «вечного возвращения», перманентный конфликт Добра и Зла (отсюда эпиграф из «Мастера и Маргариты», где Воланд рассуждает о необходимости добра и зла на земле). Именно поэтому Бог в шлемофоне танкиста в равной степени забирает и души погибших танкистов и искореженную технику. Исходя из своего высшего предназначения, Ванька Смерть, «маленький человек» большой войны, обречен на экзистенциальное одиночество.

Для романа характерна жанровая эклектика: фантасмагория, «поэма в прозе» (Л. Данилкин), фэнтези (В. Бабицкая). Нам бы хотелось обратить внимание на принцип *притчевости*, который поднимает произведение до уровня «высокой» прозы. В наше время важно не только то, о чем ты пишешь, но и то, как ты это делаешь. Стиль – одна из сильных сторон романа, иногда он в чем-то напоминает античный эпос: «Солнце внезапно поблекло, готовилась к своему выходу темнота – «Белый тигр» потерял ореол. Ванька Смерть неминуемо приближался к цели. Набравшийся такой же звериной чуткости, экипаж понимал все без слов. Только когда туша Летучего Голландца закрыла и небо, и землю, Крюк вспомнил об электроспуске» [4, с. 125].

На первый взгляд, в романе «Степные боги» в контексте «военной» темы А. Геласимов трансформирует жанр исторического романа. В нескольких интервью того периода автор отмечал, что задумывал «эпос», «семейную сагу», в которой рассказывается о нескольких поколениях рода. Однако главной темой в итоге стала тема взаимоотношений детей во время войны, наивное детское отношение к ней (можно вспомнить, как Петька ругает Гитлера, пишет свои мысли на крыше сарая, чтобы услышать завтра по радио, как «наши» наступают). Отметим, что А. Геласимова отличает тонкое знание детской психологии.

Обращает на себя внимание неожиданное решение и новый ракурс в раскрытии военной темы, можно сказать, глазами ребенка, живущего на окраине монгольской степи, в деревне Разгуляевка. Определяющую роль в романе играет ограниченность места действия и локализация конфликта, когда большая война оказывается на периферии, а на руднике работают японские военнопленные со времен Халхин-Гола. Один из них – врач Хиротаро, который ведет дневник и пишет в Нагасаки, по его словам «письма мертвого живым» (а получится совсем

наоборот). Между мальчиком-отщепенцем Петькой и Хиротаро (два варианта оппозиции «свой» – «чужой») возникает странная дружба. Интуитивно Петька обращается к японцу за помощью: его единственный друг Валерка болен «странной» болезнью. Только Хиротаро способен его спасти и вызвать могущественных Степных богов.

В романе происходит в чем-то парадоксальное схождение основных тем русской литературной традиции: человек и природа (особенно в кульминационной сцене, когда японец с мальчиком на спине убегает от стаи волков и их тень напоминает фигурку шестирукого бурятского божества), взаимоотношения отцов и детей (именно поведение отца Петьки стало причиной всех несчастий мальчика), диалог культур (не будем забывать, что Петька не отличается воспитанием и образованием, а Хиротаро-интеллектуал, человек с высокими представлениями о чести, воспитанными в нем духом Бусидо).

С точки зрения жанра перед нами **роман-«воспитание»** в лучших традициях прозы для подростков. Отметим также особенности стиля произведения. Роман, безусловно, кинематографичен, состоит из достаточно коротких фраз, потенциальных кадропланов. Многие образы и ситуации даны не описательно, а воспринимаются читателем визуально.

Как мы видим, в современной литературе «военная» проза становится пространством для эксперимента (тематического, стиливого, жанрового), но продолжает оставаться востребованной у читателя.

Литература

1. Лейдерман, Н. Современная русская литература: 1950–1990 годы: В 2 т. / Н. Лейдерман, М. Липовецкий. – М. : Изд. центр «Академия», 2003. – Т. 1 :1953–1968. – 416 с.
2. Коваленко, А. Литература и постмодернизм / А. Коваленко. – М. : Изд-во РУДН, 2004. – 142 с.
3. Данилкин, Л. Нумерация с хвоста: Путеводитель по русской литературе / Л. Данилкин – М. : АСТ : Астрель, 2009. – 288 с.
4. Бояшов, И. Танкист. Белый тигр / И. Бояшов. – СПб. : Лимбус Пресс, 2008. – 224 с.